

Вэй Цин с изумлением обнаружил в глазах Лю Че явную жажду крови. Его отец никогда не был связан с императором, так за что же такая немилость? Заметив озадаченный взгляд Вэй Цина, Лю Че решил не развивать эту тему. В конце концов, этот парень знал свое место и не лез к нему с назойливыми просьбами. А вот что касается пожалования титула маркиза — об этом лучше пока забыть.

Наступило время праздника Дуанью. Майское солнце ласково пригревало, когда старшая дочь Вэй Цзыфу, великая принцесса Вэй, с топотом подбежала к Вэй Цину и врезалась в его объятия. Он поспешно подхватил девочку, но тут же почувствовал, как что-то липкое и тяжелое испачкало его официальное одеяние.

— Дядюшка! Смотри, оказывается, настоящий цзунцзы выглядит именно так! — великая принцесса Вэй победно потрясла палочками для еды. На их кончиках, прямо на листьях, красовался целый цзунцзы размером с кулак взрослого человека.

Вэй Цин поднял глаза на Хо Цюйбина и спросил:

— Почему ты не разрезал цзунцзы на кусочки, как обычно?

— Этот цзунцзы был мой, она его отобрала, — невозмутимо ответил тринадцатилетний Хо Цюйбин. С тех пор как Вэй Цину пожаловали поместье, самого Хо Цюйбина назначили на должность придворного советника — формально для того, чтобы он прислуживал Лю Че, а на деле он сам жил в роскоши, окруженный слугами. Но эта жизнь ему претила: даже цзунцзы прислуга нарезала на крошечные кубики размером с финик. Сегодня у него лопнуло терпение — он выхватил цзунцзы, сам развернул листья и наколот его на палочки. Ведь цельный цзунцзы куда вкуснее!

Хо Цюйбин привык к изысканной еде, но в душе все еще тосковал по детскому желанию вгрызаться в цзунцзы большими кусками. Однако, едва он успел с наслаждением откусить кусочек, как любопытная великая принцесса Вэй отобрала лакомство.

Пока они разговаривали, девочка, чьих сил не хватало, чтобы уверенно держать палочки, постоянно роняла цзунцзы, пачкая официальный халат Вэй Цина. Вскоре её внимание полностью переключилось на этот процесс: она прижимала липкий цзунцзы то к одному, то к другому месту его одежды, пока подол халата окончательно не свернулся в грязный рулон.

Великая принцесса Вэй заливалась звонким смехом, дергая за край испачканной одежды. Хо Цюйбин прыснул со смеху, а Вэй Цин, хоть и был обескуражен, лишь с любовью улыбался, позволяя племяннице превращать его наряд в нечто бесформенное и липкое.

Тем временем Цао Сян, только что навестивший вдовствующую императрицу, медленно шел по длинной галерее. До его ушей донесся приглушенный смех. Он поднял глаза и вдалеке, за гладью озера, увидел павильон, в котором находились юноша, подросток и маленькая девочка. Молодой человек снимал верхнее одеяние и передавал его слуге, а солнечные блики, отражаясь от воды, ложились на его белоснежное нижнее белье.

Ночью, закрыв глаза, Цао Сян снова видел перед собой это белое одеяние, то приближающееся, то отдаляющееся... А что под ним? Цао Сяну казалось, что он касается теплой кожи. Было темно, и он не мог разглядеть лица, но смутные очертания говорили ему, кто это. Во сне он обнял его за шею и подался вперед...

— А-а-а!

Цао Сян с криком сел в постели, широко раскрыв глаза. Он прижал ладонь ко рту, весь в холодном поту. Кошмар! Это был просто кошмар! Как он мог видеть такое?

Вдруг он понял, что что-то не так. Откинув одеяло, он взглянул вниз... Цао Сян сорвал с себя злополучные штаны и сжег их дотла: такую позорную вещь нельзя было показывать никому.

Наступил день, и Цао Сян снова увидел человека из своего сна. Вэй Цин был в доспехах, его стан казался стройным и статным, движения — легкими и стремительными, но в каждом жесте сквозила мягкая элегантность.

По ночам этот образ неизменно возвращался в кошмарах Цао Сяна, заставляя его вскакивать с криками и сжигать очередные штаны. Так продолжаться не могло: это был внутренний демон, и простым уничтожением одежды проблему не решить. Возможно, единственным выходом было больше не видеться с Вэй Цином.

Небеса словно слышали его молитвы. С приходом осени хунну силами в двадцать тысяч всадников вторглись в Ляоси, убив начальника округа и разграбив селения, забрав три тысячи жизней. Они окружили укрепления Хань Аньго, а затем вошли в Юйян и Яньмэнь, учинив новые расправы. Император приказал военачальнику Вэй Цину с тридцатью тысячами конников выступить из Яньмэня, а военачальнику Ли Си — из Дая.

Цао Сян вздохнул с облегчением: если он какое-то время не будет видеть Вэй Цина, то сможет изгнать своего демона. Но, в конце концов, противник — хунну. Цао Сян вновь погрузился в тревогу: молить о том, чтобы больше не видеть Вэй Цина, вовсе не означало желать ему смерти!

Перед походом Вэй Цин, как и обещал, зашел в небольшую харчевню. В сопровождении слуги он направился в отдельный кабинет. Когда дверь открылась, Цао Сян, уже ожидавший его, радостно засиял и пригласил друга сесть.

В соседнем кабинете послышался шум — дверь приоткрылась, и оттуда выглянуло несколько человек, но тут же захлопнули её. Однако Цао Сян успел заметить среди них старого генерала Ли Гуана. На его суровом лице читалось неприкрытое презрение, словно было написано: Опускаешься до общения с недостойными.

В том кабинете кто-то понизил голос:

— Опять этот Вэй Цин и Маркиз Пинъян.

— Маркиз Пинъян знатного рода, обласкан императорской милостью, зачем он постоянно околачивается с этим угодником, раболепствующим перед троном?

— Вэй Цин вышел из дома принцессы Пинъян, отношения у них, конечно, особенные.

Мужчины обменялись двусмысленными взглядами и принялись хихикать, неясно, над кем именно — над Вэй Цином или над домом Маркиза Пинъян.

Ли Гуан издал фыркание, и все сразу притихли. Кто-то спросил:

— Генерал Ли, что вы думаете об этом?

— Угодник, лстящий императору, — нечего тут обсуждать, — с явным пренебрежением ответил Ли Гуан. Остальные дружно засмеялись. Сын Ли Гуана, Ли Гань, крутя палочки в пальцах, произнес: — А не заключить ли нам пари? На исход похода Вэй Цина.

Предложение тут же поддержали. Ли Гуан еще громче фыркнул:

— Война — это не детская забава, здесь кровь проливают! Что тут загадывать? Даже если он победит, разве жизни тысяч наших молодцов стоят ваших грошей?

Ли Гань и другие почувствовали, как лица их залил жар. Слова генерала показались им справедливыми, и уважение к нему лишь возросло. Больше о пари никто не заикался.

Пообедав, они стали расходиться. Ли Цай шел позади всех, замедляя шаг, словно погруженный в глубокие мысли. Наконец, он тихо вздохнул:

— Хунну не станут щадить его только за то, что он чей-то любимец, и уж точно не проиграют ему из-за того, что он фаворит государя Хань.

Тем временем в кабинете Цао Сян сидел пристыженный из-за того, что увидел в глазах Ли Гуана. Он хотел было пожаловаться Вэй Цину, но, взглянув на него, встретил такой мягкий и участливый взгляд, что слова застряли в горле. Вэй Цин сидел спиной к выходу и не видел генерала.

Вместо жалобы Цао Сян сказал другое:

— Хотя Чэн Буши и Ли Гуан — оба прославленные генералы, авторитет Ли Гуана в войсках гораздо выше. Солдаты готовы за него жизнь отдать.

Вэй Цин кивнул:

— Я тоже восхищаюсь генералом Ли. Он руководит войсками просто, заботится о солдатах, не проявляет к ним жестокости и делит с ними тяготы похода. Я давно мечтал поучиться у него.

Цао Сян удивился:

— Но ведь твой наставник Чэн Буши всегда презирал его небрежный стиль командования?

В то время, когда Вэй Цин изучал военное искусство, Лю Че часто приводил Чэн Буши в пример. С тех пор Цао Сян всегда называл того учителем Вэй Цина. Вэй Цин уже привык к этому и не спорил:

— Пускай методы генерала Ли кажутся свободными, но они маневренны. Если объединить сильные стороны обоих подходов, против хунну будет куда легче бороться. — Он погрузился в раздумья и добавил: — Мастерство верховой езды у хунну великолепно, они куда сильнее наших ханьских всадников...

— Тут уж ничего не поделаешь, у них это в крови, — вставил Цао Сян.

Вэй Цин задумался: в крови? Возможно... но человек не рождается с умением читать или писать, то же самое и с верховой ездой. Он вспомнил, как впервые сел на лошадь — если бы не помощь Гунсунь Ао, неизвестно, чем бы это кончилось.

Вэй Цин улыбнулся:

— Я когда-то был деревенским пастушком, я ничего не умел.

Цао Сян закусил губу, понимая, к чему клонит друг. За эти годы стараниями Лю Че Вэй Цин превратился в настоящего полководца. То же самое ждало и конницу Хань.

Вэй Цин подтвердил его догадки:

— Стоит лишь найти хороших учителей и обеспечить солдат достойными конями, и Хань не будет уступать хунну.

— Вэй, командующий кавалерией, вы прикладываете поистине титанические усилия, — покачал головой Цао Сян. — Но Ли Гуан прямолинеен до высокомерия. Если вы решите заговорить с ним, боюсь, лишь натолкнетесь на холодную стену.

Вэй Цин лишь улыбнулся. Он понимал, что его происхождение для многих — огромная проблема. Но сейчас он думал не об этом. Перед ним стояли «степные волки» — хунну. Малейшая ошибка — и он погибнет.

Никто не мог гарантировать, что после первой победы Вэй Цин одержит вторую. Возможно, в этот раз он не вернется вовсе. Так думал Цао Сян, так думали все вокруг.

Но реальность превзошла все ожидания. В этот раз Вэй Цин разгромил хуннских князей Байяна и Лоуфаня, вернул земли к северу от Хуанхэ, пленил тысячи врагов и захватил сто тысяч голов скота. Все тридцать тысяч его всадников вернулись живыми и невредимыми — это

было немыслимое чудо, в которое едва ли верилось, но оно произошло.

Вэй Цин был пожалован наследственным титулом Чанпин-хоу с владением в три тысячи восемьсот дворов. Цао Сян смотрел, как он торжественно въезжает в городские ворота. Вэй Цин на коне, в синих доспехах, с алым плащом за спиной, слегка улыбался, а его рука, державшая поводья, выглядела расслабленной. Цао Сян подумал, что именно эта невозмутимость и привела его к победе. Но она же заставила Цао Сяна, едва обретшего покой, вновь видеть те же «кошмары».

Вернувшись домой, Вэй Цин был встречен ликованием всей семьи. Вэй Шаоэр с восторгом хлопотала, готовя торжественный прием, госпожа Жуйюй застенчиво поздравила его, а Хо Цюйбин, сопровождавший дядю в походе, не отставал от него ни на шаг. Его тоже назначили командиром, хотя пока это была лишь формальность — он участвовал в походе как личный телохранитель Вэй Цина, набираясь опыта.

Нин Чэн вручил Вэй Цину письмо, сказав, что его оставили для него, когда он был на границе. Вэй Цин развернул послание. Сначала он прочел его небрежно, но постепенно лицо его изменилось. Он поспешно спросил Нин Чэна:

— Есть ли уже воля императора по этому делу?

— Есть, — Нин Чэн поднял палец. — Одно слово: истребить. Месяц назад все уже было предрешено.

Лицо Вэй Цина стало пепельно-серым.

— Неужели при дворе не нашлось никого, кто попытался бы образумить его?

— Даже вдовствующая императрица просила за них, но император отказал. Кто еще мог на что-то повлиять?

Вэй Цин молчал. Его улыбка, призванная поддержать радость в поместье, казалась маской. Никто, кроме него и Нин Чэна, не знал, что случилось.

Вечером Вэй Цина вызвали во дворец. Лю Че, как обычно, усадил его рядом, вел непринужденную беседу, по-дружески смеясь. В порыве хорошего настроения он потянулся к Вэй Цину и поцеловал его. Казалось, он не замечал, как напряжено тело Вэй Цина, или же намеренно игнорировал это, полагая, что тот просто отвык от такой близости.

— Я решил переселить часть населения Гуаньчжуна в Маолин, но клан Го из Гуаньчжуна открыто воспротивился и подстрекнул народ к неповиновению. В присутствии императорского посланника все местные дворяне поддержали клан Го, лишь один ученый встал на сторону двора. В итоге один из членов клана Го убил этого ученого прямо на дороге. Разве не возмутительно? — оживленно рассказывал Лю Че.

Вэй Цин вздрогнул. Лю Че продолжал:

— За убийство полагается смерть, и таких мятежников я, конечно, не помилую...

— И поэтому Ваше Величество решили истребить весь клан Го из Гуаньчжуна? — внезапно перебил Вэй Цин, до этого молча слушавший.

Лю Че замер, затем усмехнулся:

— А, ты уже знаешь.

Вэй Цин повысил голос:

— За убийство нужно платить жизнью — это справедливо, но смерть должна понести лишь тот, кто убил. Почему государь решил уничтожить весь род?

Лю Че улыбнулся:

— Дело не в простом убийстве. В Гуаньчжуне авторитет клана Го стал выше императорской власти. Для тамошних жителей мой указ значит меньше, чем воля клана Го. Разве это не смешно? — Он рассмеялся, но, увидев серьезное лицо Вэй Цина, почувствовал неловкость и замолчал. Придав голосу строгость, он добавил: — Любезный чиновник, ответь мне: по закону, какое наказание положено за убийство и какое — за посягательство на императорскую власть?

Вэй Цин замешкался, нахмурился и, опустив глаза, ответил:

— Убийцам — смерть, посягающим на власть — казнь всех девяти колен рода и медленная смерть.

— Вэй Цин, тебя не было в столице, многого ты не знаешь. Уничтожение клана Го — не сиюминутный порыв, а решение, принятое после долгих обсуждений с сановниками. Я объясню, что они натворили.

Он знал, что Вэй Цин мягок, и если не прояснит ситуацию, сам будет выглядеть злодеем.

— Чтобы не переселяться, они сначала пытались подкупить посланника, а когда не вышло — убили его. Семья погибшего подала прошение во дворец, и они убили тех, кто пришел искать справедливости! Будучи простыми людьми, они творят произвол, убивают по прихоти — где в таком случае закон?

Вэй Цин все это знал. Происшедшее уже не исправить, споры лишь разозлят Лю Че, но письмо с мольбами о помощи, пропитанное кровью и слезами, не давало ему молчать.

— Преступников следует наказывать по закону. Но старики, женщины и дети в роду Го? В чем их вина? К тому же глава рода, Го Се, ничего об этом не знал.

Лицо Лю Че помрачнело, он фыркнул:

— Может, Го Се и не знал, но его незнание опаснее любого приказа! Я уже сказал: истинная причина в том, что авторитет клана Го стал выше власти императора. Я не допущу такого.

Разве ты не согласен?

— Мой государь, я вижу здесь лишь пренебрежение человеческой жизнью! — выпалил Вэй Цин. Как только слова слетели с его уст, он понял, что перешел черту. Лю Че побледнел от гнева, но Вэй Цин не собирался забирать слова назад.

Лю Че заставил себя улыбнуться:

— Ты так печешься о судьбе преступников, разводишь такую сентиментальность... совсем не похоже на военачальника.

— Долг воина — побеждать врага и защищать страну, а не убивать невинных, — твердо ответил Вэй Цин.

Он продолжал спорить! Неужели даже Вэй Цин встанет на сторону клана Го? Какое колдовство они использовали? Прав был тот, кто настаивал на их казни! Лю Че уже готов был взорваться, но заметил прямой, честный взгляд Вэй Цина. Он понял, что Вэй Цин не просто запутался, он говорит искренне.

Лю Че выдохнул, стараясь успокоиться — он не хотел разрыва с Вэй Цином. Он смягчил тон:

— Сегодня они убивают моего посланника, чтобы угодить Го Се, завтра придут убивать меня. А послезавтра могут и вовсе захватить столицу с армией. Вэй Цин, ты же умен, как ты мог сейчас так помутиться рассудком?

— Есть истина, не меняющаяся веками: управление государством требует сочетания милости и строгости. Государь не может полагаться лишь на устрашение, забывая о милосердии...

— Не тебе учить меня, как править страной! — взорвался Лю Че, вскакивая с места. Вэй Цин поспешно опустил на колени. Лю Че бушевал: — Все это я преподавал тебе, ты лишь усвоил основы, а теперь смеешь учить меня?

Снова проснувшись, Цао Сян подошел к окну, чтобы ночной воздух охладил его пыл. Глядя на ночной Чанъань, он гадал, что сейчас делают Лю Че и Вэй Цин? Днем император сиял от счастья, в его взгляде читалась гордость и страсть, а теперь... наверняка он принуждает Вэй Цина разделить с ним «муки тоски»... Как же это отвратительно!

А как Вэй Цин будет отвечать? Вспомнились слова Сыма Таня: «Угодничество перед высшими»! Как же подходит это слово! Такой покорный человек, как он, конечно, не посмеет перечить государю, самое большее — ответит уклончиво, как тогда в харчевне. Но даже если это сработает раз или два, разве позволит характер Лю Че оставить все как есть? Он всегда добивается того, чего хочет!

Покорность Вэй Цина не была ошибкой, без неё он бы не достиг высот, которых достиг. Ошибка — в деспотизме Лю Че! Именно его власть и высокомерие создали это «угодничество».

В спальне спор продолжался.

— Ваш слуга не смеет! — поспешно сказал Вэй Цин. — Я лишь боюсь, что люди осудят Ваше Величество. В народе много глупцов, они близоруки и не видят Ваших соображений, они видят лишь кровь, пролитую родом Го, и будут называть государя жестоким тираном.

Заметив гнев императора, Вэй Цин испугался, что переступил границы дозволенного. В одно мгновение его мысли пронеслись сотни раз, он тайно корил себя за опрометчивость.

Ему нужно было смягчить эту атмосферу, но он знал, что в его словах была доля правды. Если бы ему было все равно, он не стал бы спорить с Лю Че. Вспомнить хотя бы казнь семей Тянь и Ван — он мог бы промолчать, быть покорным и спасти себя.

Вэй Цин внезапно почувствовал страх. С каких пор он начал ставить себя наравне с Лю Че? Как император мог это позволить? Даже избалованный Хань Янь никогда не позволял себе критиковать дела государственные. Если Лю Че поймет, что он так дерзок, то может уничтожить весь род Вэй!

Лицо Лю Че разгладилось, он даже сменил гнев на милость, наклонился, чтобы поднять Вэй Цина, и снова усадил его рядом.

— Хорошо, что ты печешься обо мне, но великие дела не делаются с оглядкой на мнение каждого невежды. Чрезмерная мягкость губительна. Иногда нужно проявить твердость, пролить кровь одних, чтобы спасти жизни тысяч. Что ты на это скажешь?

Вэй Цин склонил голову:

— Государь мудр.

В этом наклоне головы было столько грации, что Лю Че невольно заулыбался. Неудивительно, что он решил оставить его при себе: в то время как в его доме были лишь «тигрицы», эти брат и сестра Вэй казались кроткими овечками. И что самое поразительное, эта «овечка» перед лицом врага превращалась в грозного тигра, принося ему величайшие победы. Сам ли он воспитал из овечки тигра, или же приручил тигра до состояния овечки? Лю Че чувствовал безмерную гордость в любом случае.

Слуги давно удалились, и в комнате остались только они двое.

<http://bllate.org/book/21150/2144304>